

Заслуженный ординарный профессоръ Киевской духовной Академіи Василій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій.

(НЕКРОЛОГЪ)

12 июля с. г. въ 10^{1/2} ч в, волею Божіею, тихо скончался заслуженный ординарный профессоръ Киевской духовной Академіи, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Василій Ѳеодоровичъ Пѣвницкій* Въ лицѣ почившаго сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, даровитыхъ, трудолюбивыхъ и пользовавшихся широкою и громкою славою дѣятелей Киевской духовной Академіи, со времени преобразования ея въ 1819 году. Пмя почившаго профессора такъ тѣсно и неразрывно слилось съ именемъ Киевской духовной Академіи, что личность перваго неизмѣнно являлась въ сознани образованнаго русскаго чело-вѣка при одномъ только названіи послѣдней. Почившій всю свою многолѣтнюю жизнь всецѣло и неизмѣнно посвятилъ одной только Киевской духовной Академіи, но черезъ нее, черезъ свою дѣятельность, въ качествѣ профессора ея, онъ оказывалъ сильное влияние на духовную жизнь всего православнонаго христіанскаго міра. Подъ опытнымъ руководствомъ его воспиталось нѣсколько поколѣній молодыхъ богословски-образованныхъ людей черезъ которыхъ онъ сильно и замѣтно дѣйствовалъ на все русское образованное общество, на всю духовную Русь.

Рѣдкою и счастливою извѣстностію пользовалось имя почившаго въ древнемъ Кіевѣ Уроженецъ далекаго сѣверо-востока Россіи, почившій въ ранніе годы своей

Труды Киевск Дух Акад Т III 1911 г

жизни сдѣлался истиннымъ кievляниномъ. Онъ любилъ Кіевъ, онъ слился съ нимъ и не хотѣлъ мѣнять его ни на какой другой городъ въ Россіи. И кievляне прекрасно знали знаменитаго профессора Академіи, уважали его и съ глубокимъ вниманіемъ прислушивались къ его краснорѣчивому слову, которымъ онъ любилъ отзываться на движенія и запросы церковно-общественной жизни.

Но особенно близокъ и дорогъ былъ В. Ѳ. Пѣвницкій Кіевской духовной Академіи. Онъ всегда и неизмѣнно относился къ своей Академіи, какъ горячо любящій сынъ относится къ своей родной матери. Онъ благоговѣлъ предъ великимъ прошлымъ родной Академіи и преклонялся предъ высокими задачами ея учено-богословской дѣятельности. Въ свою очередь, и Кіевская духовная Академія, въ лицѣ профессорской ея корпораціи и бывшихъ ея учениковъ, всегда и неизмѣнно относилась съ глубокимъ уваженіемъ къ личности, дѣятельности и заслугамъ знаменитаго профессора-учителя. Рѣдкій изъ отвѣтныхъ листковъ, присылаемыхъ нынѣ въ Совѣтъ Академіи бывшими ея учениками, въ виду приближающагося трехсотлѣтняго юбилея Академіи, обходится безъ упоминанія о В. Ѳ. Пѣвницкомъ, какъ выдающемся, славномъ, дорогомъ, незабвенномъ профессорѣ. Наличная профессорская корпорація, всегда съ радостію видѣвшая въ своей средѣ маститаго профессора, особенною любовію и заботливостію окружила его въ послѣдніе дни его жизни и во время погребенія. Каждому изъ профессоровъ Академіи, бывшихъ учениковъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, хотѣлось какъ либо показать свое вниманіе къ нему, сказать ему слово привѣта, благодарности... И до послѣдняго дня Кіевская духовная Академія, въ лицѣ старшихъ и младшихъ ея членовъ, скорбитъ и груститъ, лишившись въ почившемъ профессорѣ своего дорогаго, добраго, любвособильнаго, благороднаго учителя и старшаго товарища.

Трудно человеческимъ словомъ изобразить во своей красотѣ, и съ желаемою полнотою представить чудный духовный образъ почившаго профессора. Пишущему эти строки пришлось осизательно убѣдиться въ томъ, когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ долженъ былъ, по просьбѣ почитателей почившаго, писать біографію В. О. Пѣвницкаго, по поводу исполнявшагося тогда пятидесятилѣтія академической службы его. Къ счастью, В. О. Пѣвницкій, отличававшійся вообще рѣдкимъ благороднымъ характеромъ, старательно избѣгавшій того, чтобы чѣмъ либо затруднять другихъ, и наоборотъ, всячески стремившійся облегчать всякому все то, что относилось къ его личности, остался вѣренъ себѣ съ этой стороны и касательно своей біографіи. Въ своихъ „воспоминаніяхъ“, которыми онъ съ такимъ усердіемъ занимался въ теченіе послѣднихъ лѣтъ жизни, онъ далъ намъ богатый и прекрасный матеріалъ для ближайшаго и точнаго познанія его личности. Въ своихъ дальнѣйшихъ рѣчахъ о почившемъ нашемъ профессорѣ мы и намѣреваемся пользоваться его личными воспоминаніями, которые для читателей нашего академическаго журнала могутъ представлять тѣмъ бѣльшій интересъ, что они печатались на страницахъ другаго періодическаго изданія и были писаны В. О. Пѣвницкимъ, по его собственнымъ словамъ, „не для широкой публики, а для близкихъ людей“.

Василій Θεодоровичъ Пѣвницкій родился 29 февраля 1832 года въ Васильевскомъ Погостѣ, отстоящемъ въ 10 верстахъ отъ г. Мурома Владимірской губерніи. Въ погостѣ жили только одни члены причта, и не было ни одной крестьянской хаты. Въ погостѣ было всего двѣнадцать домовъ и двѣ деревянныя церкви. Жители погоста, не исключая и молодежи, находились въ постоянномъ и близкомъ общеніи съ храмомъ Божиимъ, что не могло оставаться безъ благотворнаго вліянія на ихъ жизнь, настроеніе и характеръ. По

воспоминаніямъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, у подрастающаго поколѣнія въ Васильевскомъ погостѣ, по внушенію родителей, было большое усердіе къ церкви. Въ воскресные и праздничные дни нельзя было пропустить ни одного богослуженія: опущеніе богослуженія въ такіе дни считалось большимъ грѣхомъ.

Отцемъ В. Ѳ. П. былъ священникъ Васильевскаго Погоста о. Ѳеодоръ Петровичъ. Мать его, Евгенія Ивановна, была дочерью священника с. Верховзерья.

Среди пятерыхъ, оставшихся въ живыхъ, дѣтей о. Ѳ. П. Пѣвницкаго почившій профессоръ былъ вторымъ по времени рожденія. В. Ѳ. П., по собственнымъ его воспоминаніямъ, родился весьма слабымъ, подававшимъ мало надеждъ на то, что онъ останется въ живыхъ.

Первоначальное воспитаніе и обученіе грамотѣ В. Ѳ. П. получили въ родительскомъ домѣ, подъ руководствомъ своихъ родителей. Мать его была неграмотная, но очень благочестивая женщина, старавшаяся въ точности выполнять все уставы церковные. Въ этомъ же направленіи она воспитывала съ ранняго возраста и дѣтей своихъ.

Обученіе В. Ѳ. П. грамотѣ началось, когда ему было около семл лѣтъ. Единственнымъ учителемъ его и его братьевъ былъ ихъ отецъ. Ученіе началось съ азбуки, потомъ переходило къ слогамъ и словамъ: Ангель, ангельскій Архангель, архангельскій, Богъ, Божество... Отъ азбуки переходили къ часослову и псалтири.

Домашнее ученіе В. Ѳ. П., оказывавшаго быстрые успѣхи, не ограничивалось одною грамотностію. Кромѣ обученія чтенію по славянской и гражданской азбукѣ и письму, ему преподавали начальныя основанія Закона Божія, краткій катихизисъ и краткую священную исторію. Наконецъ, его учили дома арифметикѣ и чтенію по-латыни и по-гречески. Такимъ образомъ, В. Ѳ. П. былъ подготовленъ своимъ

отцомъ сравнительно очень хорошо и потому могъ поступить прямо во второй классъ духовнаго училища.

Въ 1841 году, когда В. О. П. было только девять лѣтъ, онъ былъ принятъ въ второй классъ муромскаго духовнаго училища владимірской епархіи, гдѣ учился тогда въ третьемъ классѣ старшій братъ его Д. О. Пѣвницкій, нынѣ здравствующій еще протоіерей церкви Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ. В. О. П., какъ и братъ его, учился отлично и почти всегда занималъ первое мѣсто среди своихъ товарищей. Ученіе ему доставалось легко, а за хорошее поведеніе онъ пользовался любовью учителей и товарищей своихъ. В. О. П. сохранилъ самыя свѣтлыя и пріятныя воспоминанія о своей училищной жизни. „Никакихъ репетиторовъ и руководителей мы (съ братомъ) не звали“, пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „а учились и исполняли задававшуюся намъ работу совершенно самостоятельно. Я даже и къ старшему брату, шедшему впереди меня въ училищѣ, никогда почти не обращался за указаніями, а дѣлалъ все самъ, полагаясь на свой дѣтскій смыслъ. Мнѣ даже совѣстно было обращаться къ нему съ просьбою разъяснить мнѣ то или другое, чѣмъ я обнаруживалъ бы предъ нимъ свое безсиліе и слабоуміе“.

Съ ранняго дѣтства для В. О. Пѣвницкаго начались тяжкія испытанія. Началомъ ихъ было круглое сиротство его. 22 августа 1841 г., когда В. О. Пѣвницкій перешелъ изъ третьяго класса духовнаго училища въ четвертый, скончался его отецъ. Черезъ годъ съ небольшимъ (въ половинѣ декабря 1845 г.) за нимъ послѣдовала и жена его, мать В. О. Пѣвницкаго. Необыкновенно трогательными чертами изображаетъ почившій профессоръ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ первое время своего круглаго сиротства. „На святки (рождественскія 1845 г.) мы пріѣхали въ Верхозерье“ (родина матери, гдѣ она и скончалась), пишетъ В. О. Пѣвницкій, „и проводили грустно время въ кельѣ, гдѣ скончалась

наша мать, подъ охраною ея тетки, матери отца Михаила Карачаровскаго. Насъ здѣсь было первоначально четверо: я, братъ Иванъ, и малолѣтки—сестра Елизавета и братъ Павелъ. Наканунѣ Рождества пріѣхалъ изъ Владиміра старшій братъ Дмитрій, и вошедши въ келію, не раздѣваясь, склонилъ голову на столъ, зарыдалъ и залился горькими слезами. Такимъ образомъ, мы остались круглыми сиротами. Сердобольныя женщины, оплакивавшія нашу мать, когда она была во гробѣ, сравнивали насъ, въ своихъ жалостливыхъ причитаніяхъ, съ малыми неоперившимися птенчиками, прежде времени выброшенными изъ разореннаго гнѣзда. Не имѣя ни дома, ни имущества, не имѣя вѣрнаго пріюта, мы, казалось, выброшены были и подвергнуты всѣмъ превратностямъ жестокаго случая. Старшему изъ насъ не было шестнадцати лѣтъ, и онъ учился въ низшемъ отдѣленіи семинаріи. Мы двое (я и братъ Иванъ) проходили курсъ училищный, а двое еще не начинали учиться, и какъ малолѣтніи дѣти, крайне нуждались въ родительскомъ призорѣ. Но Господь, Защитникъ сиротъ, призрѣлъ насъ и не далъ намъ погибнуть. Двоихъ (брата Ивана и брата Павла) Онъ взялъ къ Себѣ, скоро послѣ родителей, а мы, оставшіеся въ живыхъ, возрастая подъ кровомъ Промыслителя, Защитника сирыхъ, находили доброе пристанище, и иди указанною намъ дорогою, достигли такого положенія, какое достается немногимъ, пользующимся заботливыми родительскими попеченіями...

Дѣйствительно, у круглыхъ сиротъ Пѣвницкихъ нашлись добрые родственники, которые приняли въ нихъ живое участіе и помогли имъ продолжить и закончить духовное образованіе. Роднымъ было тѣмъ легче помогать бѣднымъ сиротамъ, что оба брата Пѣвницкихъ—Д. О. и В. О.—оставшіеся въ живыхъ, обладали отличными способностями, учились превосходно и вели себя въ нравственномъ отношеніи безукоризненно.

15 іюля 1846 г. В. О. П. окончили курсъ духовнаго училища. На послѣднемъ экзаменѣ по всѣмъ предметамъ онъ давалъ отличные отвѣты и безошибочно написавъ экзаменскія „окупаціи“. Ему было тогда только 14 лѣтъ и ростомъ онъ былъ малъ, меньше почти всѣхъ своихъ товарищей.

Въ томъ же 1846 г. В. О. Пѣвницкій поступилъ во Владимірскую духовную семинарію, изъ которой перешелъ въ Кіевскую д. Академію въ 1851 г., за годъ до окончанія полнаго семинарскаго курса. О своемъ семинарскомъ обученіи и жизни своей въ семинарской бурсѣ В. О. сохранилъ самыя свѣтлыя и пріятныя воспоминанія. „Я всегда хранилъ и храню признательныя чувства къ родной семинаріи“, пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. „Ей я обязанъ тѣмъ, что вышелъ въ люди. Я не могу и вообразить, что было бы со мною, если бы она не приняла меня и не дала мнѣ надлежащаго воспитанія. Она дала мнѣ лиц, точнѣе, укрѣпила во мнѣ твердое христіанское направленіе, вынесенное мною въ дѣтскіе годы изъ родительскаго дома, слѣдуя которому, я сохранилъ себя въ послѣдующей жизни отъ опасныхъ заблужденій. Она приучала меня къ труду. Отъ нея я получилъ добрыя прочныя зачатки учено-литературной дѣятельности, которая была главнымъ занятіемъ на моемъ жизненномъ пути“.

Какъ круглый сирота, В. О. П. всѣ пять лѣтъ своего обученія во Владимірской духовной семинаріи пользовался казеннымъ полнымъ содержаніемъ и жилъ въ бурсѣ. Онъ сохранилъ на всю жизнь о своей родной бурсѣ самую добрую, симпатичную память. „Не съ горечью и осужденіемъ вспоминаю я о бурсѣ, которую иные привыкли бранить и черпять безъ снисхожденія“, пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „а съ спокойнымъ и благодарнымъ чувствомъ чловѣка, нашедшаго въ ней добрый пріютъ въ свои безпомощныя годы. Мнѣ жилось въ ней хорошо и спокойно. Не будь этого

пріюта, мнѣ пришлось бы жить гораздо тяжелѣе и Богъ знаетъ, какъ сложились бы обстоятельства моей жизни. Я не завидовалъ семинаристамъ, жившимъ на квартирѣ, — и находилъ свое положеніе болѣе благопріятнымъ, чѣмъ положеніе ихъ. Живи и на квартирѣ,—для меня создались бы трудно побѣдимыя затрудненія отъ недостатка денежныхъ средствъ, которыми я не могъ располагать. Я благодаренъ бурсѣ не за то только, что она питала меня въ тяжелыя для меня годы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за то, что она приучила меня къ хорошему порядку жизни, которому я слѣдовалъ въ свои позднѣйшіе годы“.

Во Владимірской д. семинаріи В. Θ. Пѣвницкій учился пять лѣтъ. Въ высшемъ богословскомъ отдѣленіи онъ пробылъ только одинъ годъ и на половинѣ курса, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ, былъ посланъ для продолженія образованія своего въ Кіевскую духовную Академію. Семинарское начальство желало собственно удержать его до полного окончанія курса съ тѣмъ, чтобы онъ тогда поступилъ въ Московскую д. Академію, которая была окружною для Владимірской д. семинаріи и въ вѣдѣніи которой находилась тогда эта послѣдняя. Но у В. Θ. Пѣвницкаго былъ старшій братъ въ Кіевской д. Академіи. На этомъ основаніи онъ самъ просилъ назначить его въ Кіевъ, и просьба его, какъ серьезная, была уважена.

Въ Кіевскую духовную Академію В. Θ. Пѣвницкій поступилъ въ 1851 г. г. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ свое первое вступленіе въ зданіе академіи „Въ Кіевъ“, пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „мы приѣхали 14 августа 1851 года на разсвѣтѣ. Когда мы подъѣхали къ Братскому монастырю, гдѣ находится академія, и вступили въ ограду монастыря, насъ первѣе всего поразили здѣсь толпы богомольцевъ, которые разлеглись на травѣ и спали. Ко дню Успенія въ Кіевъ собираются тысячи богомольцевъ, и для всѣхъ ихъ не находится мѣста въ гостинницахъ, и

они разбредаются по монастырямъ, и на травѣ на открытыхъ мѣстахъ устраиваютъ свой ночлеги. Въ академической корпусѣ, гдѣ жили студенты, мы воняли, когда еще всѣ спали. Сояный служитель взялъ и отнесъ наши вещи въ свободный номеръ, въ которомъ, сказалъ онъ, мы могли имѣть временное помѣщеніе... Такъ я водворился въ академіи, съ которою съ тѣхъ поръ не расставался до послѣднихъ лѣтъ своей жизни“...

По выдержаніи вступительныхъ экзаменовъ, В. О. Пѣвницкій былъ принятъ въ число студентовъ Кіевской дух. Академіи XVII курса ея. Среди своихъ товарищей онъ всегда отличался выдающимися успѣхами и прекраснымъ поведеніемъ. Хотя онъ въ разрядномъ спискѣ своего курса занималъ большею частію второе мѣсто (послѣ Меодія Семенова), но были наставники Академіи, которые В. О. Пѣвницкаго ставили, по способностямъ, выше всѣхъ его товарищей. А поведеніе его, отличавшагося, по собственному его признанію, необычайною скромностію и застѣнчивостію, было таково, что давало нѣкоторымъ изъ наставниковъ его основаніе думать и ожидать, что онъ приметъ монашество. Самъ В. О. Пѣвницкій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ подробно рассказываетъ о томъ, какъ Іоанникій (Рудневъ, бывшій впоследствии митрополитомъ московскимъ и потомъ кіевскимъ † 7 іюня 1900 г.) убѣждалъ его, уже бывшаго наставникомъ Академіи, принять монашество.

Во время обученія въ Академіи В. О. Пѣвницкій отличался, между прочимъ, талантомъ писанія сочиненій. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется, превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей. Нѣкоторыя изъ его студенческихъ сочиненій, сохранившихся и доселѣ, удостоились весьма одобрительныхъ отзывовъ со стороны читавшихъ ихъ наставниковъ Академіи. Курсовое сочиненіе, признанное отличнымъ, онъ писалъ на тему: „Критическій взглядъ на реформацію, произведенную Лютеромъ“. Между прочимъ, уже въ бытность сту-

денгомъ, В. Ф. Пѣвницкій обнаруживалъ незаурядный талантъ проповѣдника, о чемъ онъ самъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.

Окончивъ въ 1855 г. курсъ Академіи вторымъ магистромъ XVII курса, В. Ф. Пѣвницкій тогда же былъ оставленъ на службѣ при Академіи и опредѣленъ бакалавромъ по кафедрѣ общей словесности. 6 ноября 1855 г. Св. Синодъ утвердилъ его въ этой должности. И съ того времени началась непрерывная, неустанная, блестящая служба В. Ф. Пѣвницкаго въ Киевской дух. Академіи, продолжавшаяся свыше 50 лѣтъ. Лучшую характеристику и этой своей академической службы, и своихъ отношеній къ Академіи даль, кажется, самъ В. Ф. Пѣвницкій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.

„Съ Киевскою духовною Академіею“, пишетъ онъ здѣсь, „я связанъ неразрывными узами. Ей посвящена почти вся долгодѣтельная жизнь моя, отъ юности до глубокой старости. Болѣе полувѣка я провелъ въ ней, сначала студентомъ, потомъ долгіе годы наставникомъ. Состоя наставникомъ въ Академіи, я принималъ живое и дѣятельное участіе во всемъ, что предпринимала и переживала Академія... Академіи я преданъ былъ всею душою, и не могъ мыслить себя внѣ Академіи. Меня не соблазняли нѣкоторые приглашенія, дѣлаемые мнѣ, поступить на новое поприще, обѣщавшее болѣе матеріальныхъ выгодъ, чѣмъ сколько давала Академія. Мнѣ больно было расстаться съ Академіею, съ которою ежился я, и которая была для меня какъ бы роднымъ домомъ“...

Болѣе правдиво и болѣе краснорѣчиво изобразить дѣйствительныя отношенія В. Ф. Пѣвницкаго къ Киевской духовной Академіи невозможно.

Главнымъ занятіемъ В. Ф. Пѣвницкаго на службѣ въ Академіи было профессорство, чтеніе лекцій. Въ первые семь лѣтъ (1855—1862 г.) своей профессорской службы онъ читалъ лекціи по общей словесности, которая была однимъ

изъ главныхъ предметовъ, изучавшихся на первомъ, или младшемъ курсѣ Академіи. В. Θ. ПѢвницкій, не смотря на свою молодость, съ честію занималъ эту каѳедру.

Въ 1862 г. В. Θ. ПѢвницкій, по предложенію начальства и товарищей, порешель на каѳедру церковной словесности, или гомилетики. Съ 1869 г., когда былъ введенъ въ Академію новый уставъ, къ этой каѳедрѣ было присоединено еще пастырское богословіе, которое и преподавалъ В. Θ. ПѢвницкій до 1884 г. Съ этого же времени, когда опять былъ введенъ новый уставъ, онъ началъ по прежнему читать лекціи по одной гомилетикѣ, каѳедру которой занималъ до конца 190⁵/₆ учебного года, когда добровольно вышелъ въ отставку.

Другую не менѣ важную сторону профессорской службы В. Θ. ПѢвницкаго составляла его учено-литературная дѣятельность. Почившій самъ говоритъ въ своецъ „Воспоминавіяхъ“, что онъ смотрѣлъ на свои литературныя занятія, какъ на исполненіе своего прямого долга, обязанности. В. Θ. ПѢвницкій съ великою любовію занимался литературнымъ трудомъ. Оставленное имъ литературное наслѣдство весьма значительно не только по количеству, но и по качеству изданныхъ имъ трудовъ. Наиболѣ замѣчательными изъ его сочиненій признаются слѣдующія: 1) Св. Григорій Двоесловъ—его проповѣди и гомилетическія правила, К. 1872 г. За это сочиненіе В. Θ. ПѢвницкій былъ удостоенъ въ 1872 г. степени доктора богословія; 2) Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника; 3) Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ; 4) Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи; 5) Изъ исторіи гомилетики (въ нѣсколькихъ выпускахъ) и 6) Церковное краснорѣчіе и его основные законы. Последнее сочиненіе, имѣвшее два изданія, можетъ быть рассматриваемо, какъ сводъ выводовъ изъ

предшествующихъ работъ знаменитаго гомилета и систематическое изложене прежде выработанныхъ имъ взглядовъ.

Не перечисляя здѣсь всѣхъ весьма многочисленныхъ трудовъ профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго, напечатанныхъ имъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ и отдѣльно ¹⁾, мы скажемъ кратко, что почившій не выпускалъ изъ своихъ рукъ пера до послѣднихъ дней своей жизни. Онъ писалъ не только въ то время, когда состоялъ на дѣйствительной службѣ, слѣд., когда литературныя занятія онъ считалъ своею обязанностію, но и тогда, когда вышелъ въ отставку. Веди вообще очень аккуратный образъ жизни, онъ старался каждый день заниматься литературнымъ трудомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни, оставивъ службу въ Академіи, В. Ѳ. Пѣвницкій съ особеннымъ вниманіемъ занимался составленіемъ „Воспоминаній“ о своей прежней жизни и дѣятельности. Плодомъ этихъ занятій его были, между прочимъ, двѣ довольно объемистыя книги подъ заглавіемъ: „Мои Воспоминанія“: 1) Годы дѣтства. Училищная и семинарская жизнь. 1832—1851 г. К. 1910 г. Стр. II+262 и 2) Студенческіе годы: 1851—1855 г. К. 1911 г. Стр. II+202. Эти „Воспоминанія“ первоначально печатались на страницахъ Киевскаго журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“ и затѣмъ выпускались почившимъ въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, предназначенныхъ для „близкихъ людей“ ²⁾. Однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ къ тому, чтобы

¹⁾ Болѣе или мѣнѣе подробный обзоръ литературныхъ трудовъ В. Ѳ. Пѣвницкаго можно читать въ брошюрѣ: „Пятидесятилѣтній юбилей заслуженнаго ординарнаго профессора Киевской духовной Академіи Василя Федоровича Пѣвницкаго. 1855—1905 гг. К. 1905 г. стр. 10—20 (Ср. Труды Киевской дух. Акад. 1905 г. кв. № 12).

²⁾ Говоримъ такъ не только на основаніи лично слышанныхъ нами отъ почившаго словъ, но и на основаніи слѣдующей собственноручной надписи его на подаренномъ вамъ первомъ выпускѣ „Воспоминаній“: „*Написанное не для широкой публики, а для близкихъ людей* представляю вниманію досточтимаго отца протоіерея Феодора Ивановича Титова, въ которомъ всегда видѣлъ и вижу человѣка, искренно мнѣ сочувствующаго. В. Пѣвницкій. 8 февраля 1910 г.“.

приняться за составленіе „Воспоминаній“, было для В. О. Пѣвницкаго желаніе исполнить до конца свой долгъ все предъ тою же, горячо и беззаветно любимою имъ, родною Академіею, въ виду приближающагося трехсофѣтнаго юбилея ея. Когда почившему была выражена просьба о доставленіи имъ своей краткой автобіографіи для предположеннаго къ изданію біографическаго словаря бывшихъ учениковъ Киевской духовной Академіи, то онъ сразу охотно и съ полною готовностію откликнулся на этотъ призывъ. А когда онъ вскорѣ послѣ того приступилъ къ исполненію своего обѣщанія, то рука, привыкшая столько лѣтъ писать, начала работать по установившимся пріемамъ, и предполагавшаяся первоначально краткая автобіографія вылилась въ форму обширныхъ, весьма интересныхъ, полныхъ чрезвычайно важнаго содержанія „Воспоминаній“. Въ послѣдніе дни своей жизни В. О. Пѣвницкій работалъ надъ воспроизведе- своихъ „Воспоминаній“, относящихся къ первымъ годамъ его профессорской службы. Начало этихъ „Воспоминаній“ почившій профессоръ сталъ было печатать на страницахъ нашего академическаго журнала, который столь многимъ былъ обязанъ ему, какъ своему бывшему редактору. Къ сожалѣнію, неумолимая смерть остановила неутомимую руку незабвеннаго профессора, который могъ повѣдать много столь важнаго и столь интереснаго изъ недавняго прошлаго нашей Академіи. Часть этихъ „Воспоминаній“, лично доставленная почившимъ въ Редакцію, будетъ еще напечатана и читатели журнала, благодаря этому, будутъ еще имѣть удовольствіе слышать краснорѣчивую повѣсть почившаго профессора о минувшихъ дняхъ дорогой для него и для насъ Академіи.

Кромѣ „Воспоминаній“, В. О. Пѣвницкій въ послѣдніе дни своей жизни былъ серьезно занятъ приведеніемъ въ порядокъ и продолженіемъ своего „Дневника“, который онъ велъ съ давняго времени и послѣдняя запись въ кото-

ромъ относится ко времени начала его предсмертной бо-
лѣзни (вторая половина юня 1911 г.).

Учено-литературная дѣятельность В. О. Пѣвницкаго была, видимо, его природнымъ призваніемъ. Онъ любилъ эту дѣятельность и отдавался ей всецѣло. Въ тѣсной связи съ такимъ его настроеніемъ находится, безъ сомнѣнія, и то обстоятельство, что онъ, вообще не любившій развлекаться посторонними занятіями, охотно принималъ на себя и съ любовію исполнялъ обязанности редактора. Въ теченіе весьма многихъ лѣтъ онъ былъ редакторомъ академическаго журнала, гдѣ, между прочимъ, напечаталъ большую часть своихъ крупныхъ произведеній. А въ 1878—1883 гг., онъ, кромѣ того, одновременно исполнялъ обязанности редактора „Воскреснаго Чтенія“, которое издавалось тогда Академией и въ которомъ онъ также напечаталъ много своихъ, преимущественно мелкихъ, статей религиозно нравственнаго и публицистическаго содержания.

Кромѣ редакторства, В. О. Пѣвницкій, возведенный изъ бакалавровъ въ званіе экстра-ординарнаго профессора—29 февраля 1860 г., ординарнаго профессора—22 мая 1862 г. и заслуженнаго ординарнаго профессора—16 февраля 1881 г., проходилъ въ Академии должности сначала помощника ректора по церковно-практическому отдѣленію (въ 1869—1884 гг.), а потомъ члена академическаго правленія (въ 1884—1906 гг.).

Внѣ Академии В. О. Пѣвницкій не занималъ никакихъ должностей, кромѣ почетныхъ. Такъ, онъ былъ весьма дѣятельнымъ членомъ Киевскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта со времени его учрежденія и до дня своей кончины.

В. О. Пѣвницкій былъ большимъ домосѣдомъ. Онъ не любилъ путешествовать и весьма рѣдко выѣзжалъ изъ Киева, преимущественно на свою родину. Только дважды (первый разъ въ концѣ 1881 г. и въ началѣ слѣдующаго 1882 г., а вторично въ 1906 г.) онъ, по обязанностямъ служ-

бы, долженъ былъ отправляться въ С.-Петербургъ и проводить тамъ по нѣскольکو мѣсяцевъ. Въ 1881—1882 г. онъ работалъ въ С.-Петербургѣ въ качествѣ члена учреденнаго при св. синодѣ особаго комитета для обсуждения соображеній объ измѣненіяхъ въ строѣ духовныхъ академій, а въ 1906 г. принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія.

6 ноября 1905 года исполнилось 50 лѣтъ служенія В. Ѳ. Пѣвницкаго православной церкви, богословской наукѣ и особенно Киевской духовной Академіи. Пятидесятилѣтній юбилей В. Ѳ. Пѣвницкаго былъ отпразднованъ тогда Академіею, не смотря на тяжелое время, какое переживала тогда вся Россія, очень торжественно. Въ академическомъ праздникѣ, устроенномъ Академіею, приняла участіе, можно сказать, почти вся духовная, богословски образованная Россія. Кромѣ Киевскихъ учреждений и лицъ изъ числа учениковъ и почитателей В. Ѳ. Пѣвницкаго, болѣе 260 разныхъ русскихъ учреждений, іерарховъ, высокопоставленныхъ лицъ и вообще бывшихъ слушателей его почтили тогда своего любимаго, славнаго, дорогого и незабвеннаго профессора своими письменными или телеграфными привѣтствіями. Въ этихъ привѣтствіяхъ весьма живо выразилась вся любовь и уваженіе, какими пользовался всегда В. Ѳ. Пѣвницкій со стороны своихъ учениковъ. Съ другой стороны, эти же привѣтствія какъ нельзя лучше характеризуютъ то глубокое нравственное вліяніе, какое производилъ своими лекціями и своими литературными трудами В. Ѳ. Пѣвницкій на своихъ учениковъ и на все вообще образованное русское общество. Тѣмъ, кто пожелаеъ бы узнать, понять и оцѣнить личность почившаго профессора, советуемъ внимательно прочитать все эти юбилейныя привѣтствія, въ свое время напечатанныя на страницахъ нашего академическаго журнала.

Кромѣ привѣтствій, съ содержащимися въ нихъ благожеланіями, нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ и почитателей В. Θ. Пѣвницкаго ознаменовали 50-лѣтній юбилей профессорскаго служенія его еще пожертвованіями съ цѣлю образованія болѣе или менѣе значительнаго капитала для выдачи премій за лучшія сочиненія по гомилетикѣ и студенческія проповѣди изъ процентовъ на этотъ капиталъ. Юбилейный даръ учениковъ и почитателей В. Θ. Пѣвницкаго какъ нельзя болѣе соответствовалъ цѣли торжества и настроенію юбиляра, ибо предназначался для упроченія и развитія въ Академіи проповѣди, которую такъ любилъ почившій профессоръ. Въ настоящее время при Киевской духовной Академіи существуютъ двѣ преміи имени В. Θ. Пѣвницкаго—одна въ 60 руб. 80 коп. (на проценты съ капитала въ 1600 руб.) и другая въ 93 руб. 40 коп. (на проценты съ капитала въ 2300 руб.). Преміи эти, которыя имѣютъ выдаваться Совѣтомъ Академіи ежегодно, на основаніи особнхъ правилъ¹⁾, будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ славной профессорской дѣятельности В. Θ. Пѣвницкаго.

Послѣ юбилея В. Θ. Пѣвницкій недолго оставался на дѣйствительной службѣ. Не столько слабость силъ, сколько желаніе предоставить мѣсто другимъ, болѣе молодымъ силамъ побуждали его къ выходу въ отставку. 23 мая 1906 года изъ С.-Петербурга, гдѣ В. Θ. Пѣвницкій находился тогда для участія въ занятіяхъ Предеоборнаго Присутствія, онъ прислалъ въ Совѣтъ Академіи прошеніе, въ которомъ, заявивъ о своемъ желаніи „предоставить занимаемую имъ кафедру въ обновляющейся Академіи болѣе свѣжимъ силамъ“, просилъ объ исходатайствованіи ему увольненія отъ службы при Академіи. Совѣтъ Академіи въ собраніи 15 июня

¹⁾ См. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Киевской дух. Академіи за 1910—1911 учебный годъ стр. 245—254, 256—257.

1906 года, по выслушаніи приведеннаго прошенія В. Θ ПѢВНИЦКАГО, согласно предложенію преосв. Платона, епископа чигиринскаго, бывшаго ректора Киевской д. Академии, единогласно избралъ уважнявшагося профессора почетнымъ членомъ Академии „во внимание къ его выдающейся, по своимъ добрымъ результатамъ, самоотверженной свыше 50—лѣтней службѣ въ Академіи“¹⁾. Св. Синодъ указомъ отъ 20 іюля того же 1906 г. утвердилъ В. Θ ПѢВНИЦКАГО въ званіи почётнаго члена Киевской духовной Академіи²⁾. Полученіе диплома на званіе почетнаго члена доставило благоприятный поводъ почившему профессору еще разъ открыто заявить о своей глубокой любви къ родной Академіи. Благодаря „родную и дорогую Академію“ за оказанное ему вниманіе, В. Θ. ПѢВНИЦКІЙ 3 января 1907 года писалъ на имя Совѣта Киевской духовной Академіи, между прочимъ, слѣдующее: „Я съ преимущественнымъ правомъ могу называть Киевскую Академію своею родною Академіею. Господь судилъ и далъ мнѣ милость неослабно прослужить ей и въ ней свыше пятидесяти лѣтъ,—удѣлъ, достигающійся немногимъ. Болѣе полвѣка я жилъ для Академіи и съ Академіею, ей посвятилъ всего себя, всё свои силы и соединился съ нею такъ, что для меня безъ нея немислимо было мое существованіе. Но преклонныя лѣта напомнили мнѣ, что время окончить свое служеніе и предоставить занимаемую мною кафедру болѣе свѣжимъ силамъ, и я съ великою грустью долженъ былъ разстаться съ тою ученою семьей, въ которой такъ долго былъ непремѣннымъ членомъ и (Вы позвольте мнѣ сказать) однимъ изъ усерднѣхъ дѣятелей. Но Вы не захотѣли оставить меня вдали отъ себя. Ваше доброе расположеніе ко мнѣ приготовило для меня новую

¹⁾ См. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Киевской духовной Академіи за 1905—1906 учебный годъ К 1906 г., стр. 356

²⁾ См. тоже за 1906—1907 учебный годъ К 1907 г., стр. 6

связь, которою я соединяюсь съ Академіею въ концѣ дней моихъ. Не буду увѣрять Васъ, какъ это цѣнно и пріятно для меня. Снова связанный съ Академіею, я надѣюсь, пока не прекратятся дни мои, жить съ нею единою согласною жизнію, съ живѣйшимъ участіемъ входи во всѣ ея интересы, раздѣляя ея скорби и радуясь ея успѣхамъ, которыхъ я отъ всей души желаю ей“¹⁾).

Вскорѣ обстоятельства сложились такъ, что В. О. Пѣвницкому, дѣйствительно, любившему родную Академію, открылась реальная возможность еще послужить этой послѣдней. 19 октября 1907 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на дополненіе устава духовныхъ академій такой статьею: „профессора духовныхъ академій, оставляющіе службу при академіи за выслугою лѣтъ (30), могутъ, по представленію Совѣта Академіи и съ утвержденія Св. Синода, оставаться при Академіяхъ въ качествѣ сверхштатныхъ профессоровъ, съ правомъ участія въ засѣданіяхъ академическаго совѣта наравнѣ съ штатными профессорами“, причемъ дѣйствіе новаго закона распространилось и на тѣхъ профессоровъ, которые уже успѣли уволниться²⁾. Когда копія этого Высочайшаго повелѣнія была сообщена В. О. Пѣвницкому, то онъ поспѣшилъ заявить о своемъ желаніи воспользоваться правомъ, предоставленнымъ заштатнымъ профессорамъ Академіи. Въ своемъ заявленіи на имя Совѣта Академіи отъ 7 декабря 1907 года онъ писалъ, между прочимъ, что, „своею долготѣлею службою сроднившись съ Академіею, считаетъ для себя особенною честью состоять при Академіи въ качествѣ сверхштатнаго профессора, съ правомъ участія въ засѣданіяхъ академическаго Совѣта“³⁾.

¹⁾ См тамъ же стр. 293.

²⁾ См. тоже за 1907—1908 учебный годъ. К. 1908 г., стр. 145.

³⁾ См. такъ же стр. 220.

На полученное тогда же право быть членомъ Совѣта Академіи В. Ф. Півницькій смотрѣлъ не только какъ на „особенную честь“, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ и на обязанность. И онъ исполнить до смерти эту обязанность самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Онъ старался не опускать, по возможности, ни одного засѣданія совѣтскаго, когда, разумѣется, чувствовалъ себя здоровымъ. Нерѣдко онъ посѣщаль совѣтскія собранія даже и въ то время, когда старческая немощь, или болѣзнь давали ему себя чувствовать. При этомъ онъ не стѣснялся и поздними часами, въ которые происходили иногда собранія Совѣта. Даже въ самое послѣднее время своей жизни, когда почившій профессоръ чувствовалъ большую слабость въ ногахъ, онъ старался непремѣнно бывать въ собраніяхъ Совѣта. Пишущему сіи строки не одинъ разъ приходилось сопровождать немощнаго ветерана Академіи изъ совѣтскихъ собраній въ его домъ. Въ пути В. Ф. Півницькій обыкновенно всегда дѣлился своими впечатлѣніями и соображеніями по поводу того, что говорилось, или происходило въ собраніи Совѣта. Слова его и разсужденія весьма краснорѣчиво свидѣтельствовали какъ о его глубокой любви и преданности къ Академіи, такъ и о томъ живомъ интересѣ, съ какимъ онъ слѣдилъ за жизнью Академіи. Надъ всѣми его разсужденіями неизмѣнно доминировало горячее желаніе блага и прогресса любимой имъ Академіи.

В. Ф. Півницькій былъ весьма добрымъ, кроткимъ, незлобивымъ и миролюбивымъ человекомъ. Онъ имѣлъ свои убѣжденія и крѣпко отстаивалъ ихъ. Нерѣдко на этой почвѣ у него происходили разногласія съ товарищами по службѣ. Но онъ никогда не помнилъ тѣхъ огорченій, какія ему причинялись другими, скоро забывалъ ихъ и легко примирялся съ своими обидчиками. Даже тяжкія огорченія и обиды, причинявшіяся ему, какъ семьянину, онъ покрывалъ любовію и прощеніемъ, хотя и не чувствовалъ распо-

ложения къ такимъ людямъ, усиленно домогавшимся расположения всѣми уважаемаго старца

В. О. Пѣвницкій былъ весьма общительнымъ человекомъ. Онъ никогда не отказывался отъ удовольствія провести нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ пріятными ему людьми и охотно принималъ приглашенія на товарищескии, или общественныя собранія. Обладая отличною памятью, имѣя обширный кругъ знакомства, которос онъ успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе своей продолжительной жизни, отличаюсь рѣдкою наблюдательностію и ораторскимъ даромъ изложения, В. О. Пѣвницкій бывае гдѣ гдѣ пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, рассказчикомъ. Изъ богатаго запаса своихъ воспоминаній онъ легко извлекалъ рассказы о лицахъ и событіяхъ далекаго прошлаго, которыми и дѣлился съ представителями младшаго поколѣнія

В. О. Пѣвницкій былъ большимъ, истинно русскимъ любосоломъ. Его домъ былъ открытъ всегда и для всякаго, желавшаго видѣть славнаго профессора, добраго человека. Онъ любилъ, чтобы въ извѣстные дни (по пятницамъ) у него собирались гости, съ которыми онъ и проводилъ время, отдыхая отъ постоянныхъ трудовъ, или наполняя свои старческій досугъ. Самыми любимыми и дорогими гостями его были все-таки члены академической корпораціи, или просто бывшіе ученики Киевской духовной Академіи

Поразительна была любовь В. О. Пѣвницкаго къ питомцамъ родной Академіи, „однокашникамъ“ своимъ. Съ какою бы просьбою ни обращались къ нему воспитанники Киевской Академіи, онъ считалъ своею непремѣнною обязанностию исполнять эту просьбу

В. О. Пѣвницкій до конца жизни своей остался глубоко, искренно вѣрующимъ сыномъ св. Православной церкви. Всѣ уставы церковныя онъ старался неопустительно соблюдать даже во время болѣзни. Онъ былъ неизмѣннымъ посѣтителемъ богослуженія въ Києво Софійскомъ кафедраль-

номъ соборѣ, гдѣ имѣлъ опредѣленное постоянное мѣсто, которое перемѣнилъ только въ самые послѣдніе годы своей жизни, когда онъ слушалъ богослуженіе, стоя въ алтарѣ. Только въ дни академическихъ торжествъ онъ неизмѣнно бывалъ на богослуженіи въ Києво-Братскомъ монастырѣ, а въ дни говѣнія ходилъ въ свою приходскую церковь, хотя причащался Св. Таинъ, по давнему обычаю, въ академическомъ храмѣ, испросивъ предварительно согласіе на то у своего приходского священника.

В. Ө. Пѣвницкій былъ аккуратнымъ во всемъ, бережливымъ и осторожнымъ человѣкомъ. Онъ самъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что навѣкъ къ аккуратности приобрѣтенъ имъ еще въ раннемъ возрастѣ, когда онъ учился въ училищѣ и семинаріи и долженъ былъ жить въ бурсѣ, гдѣ былъ принятъ и поддерживался строгій режимъ. Вѣроятно, съ дѣтства же онъ привыкъ и къ бережливости, которая осталась отличительною чертою его жизни до конца. Аккуратность и бережливость онъ завѣщалъ и своимъ дѣтямъ и близкимъ, когда лежалъ на смертномъ одрѣ.

В. Ө. Пѣвницкій былъ очень чистошлотнымъ во всемъ, корректнымъ, въ высшей степени благороднымъ человѣкомъ. Любовь его къ чистотѣ особенно сказывалась на отношеніи его къ своему костюму и одеждѣ вообще. Онъ, будучи бережливъ и аккуратенъ, подолгу обыкновенно носилъ разъ спитую одежду, которая однако всегда бывала чиста и исправна. Всѣмъ кіевлянамъ надолго останется памятно епотова шуба и традиціонная фуражка (картузь), въ которыхъ обыкновенно совершалъ свои путешествія почившій профессоръ въ зимнее время. Благородство его характера сказывалось въ томъ, что онъ обыкновенно, безъ крайней нужды, старался никого не обременять своими просьбами, или одолженіями. Почившій профессоръ любилъ дѣлать все самъ для себя. Даже лежа на смертномъ одрѣ, онъ ста-

рался не причинять какого либо затрудненія, или безпокойства окружающимъ, причѣмъ заботился и о томъ, чтобы навѣщавшимъ его близкимъ людямъ показаться въ своемъ обыкновенномъ, приличномъ видѣ. Когда пишущему эти строки приходилось подожду оставаться наединѣ съ почившимъ, сидя у его смертнаго ложа, то В. Θ. Пѣвницкій всегда извинился предварительно, когда, напр., ему пужно было перевернуться на другой бокъ, или переменить положеніе недужнаго тѣла.

В. Θ. Пѣвницкій былъ очень консервативенъ въ своихъ привычкахъ, взглядахъ и убѣжденіяхъ. Онъ имѣлъ опредѣленный режимъ, котораго старался держаться, по возможности, исправно, и не отступалъ отъ него никогда безъ достаточныхъ основаній. У него были назначены опредѣленные часы для занятій, отдыха, сна, чая, обѣда и прогулки. До послѣдняго времени, когда почившій началъ чувствовать слабость и нездоровье, онъ совершалъ свою обычную, около - часовую, прогулку вечеромъ въ 6 ч. Излюбленнымъ мѣстомъ его прогулокъ была Владимірская горка. Онъ бывалъ очень радъ и доволенъ, когда во время этихъ прогулокъ кто-либо изъ знакомыхъ, особенно изъ лицъ, прикосновенныхъ къ Академіи, встрѣчался съ нимъ и раздѣлялъ съ нимъ часы его досуга. Рѣчь незабвеннаго профессора въ это время являлась неудержимымъ потокомъ, его тогда не нужно было раавлекать, наоборотъ, онъ самъ бывалъ тогда весьма интереснымъ собесѣдникомъ. Въ послѣдніе годы старость и болѣзнь заставили В. Θ. Пѣвницкаго отказаться отъ своихъ любимыхъ прогулокъ на Владимірскую горку, о чемъ онъ немало скорбѣлъ, особенно на первыхъ порахъ.

Въ опредѣленные часы В. Θ. Пѣвницкій занимался своими учебными и литературными работами. Онъ имѣлъ обыкновеніе предварительно обдумывать предметъ своихъ занятій, всесторонне изучалъ его по источникамъ, вынашивалъ въ душѣ, и затѣмъ принимался за работу письменную.

В. Ѡ. Пѣвницкій писалъ обыкновенно прямо на—бѣло, безъ всякихъ помарокъ, чѣмъ немало изумлялъ другихъ, даже близко стоявшихъ къ нему людей.

Утренніе часы дня, когда не бывалъ въ Академіи, В. Ѡ. Пѣвницкій назначалъ обыкновенно для чтенія газетъ. Въ опредѣленные часы всегда можно было наблюдать профессора сидящимъ у окна своего кабинета (вмѣстѣ и спальни), выходившаго на улицу (кстати сказать, очень шумную), и читающимъ газеты, либо журналы. Любимыми газетами его были „Кіевлянинъ“ и „Московскія Вѣдомости“, которыя онъ читалъ неизмѣнно въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ. Иногда съ чтеніемъ газетъ почившій профессоръ соединялъ чаепитіе.

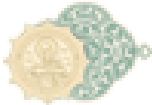
В. Ѡ. Пѣвницкій привыкалъ къ извѣстной обстановкѣ, съ которою потомъ никакъ не желалъ расставаться. Онъ, напр., привыкъ къ своему собственному домику, по улицѣ Большой Житомирской, который онъ приобрѣлъ еще въ началѣ своей профессорской службы, около 40 лѣтъ тому назадъ. И онъ ни за что не желалъ расстаться съ нимъ, не смотря на самыя заманчивыя предложенія, съ какими обращались къ нему люди, желавшіе купить его домикъ. Мало этого. В. Ѡ. Пѣвницкій не желалъ дѣлать никакихъ, сколько-нибудь серьезныхъ перестроекъ въ своемъ домикѣ, который, благодаря этому, и доселѣ остается памятникомъ прошлаго, скромно пріютившимся среди высокихъ и обширныхъ домовъ, выросшихъ рядомъ съ нимъ.

Такъ жилъ, служилъ и трудился незабвенный и дорогой нашъ учитель. В. Ѡ. Пѣвницкій въ дѣтствѣ и въ молодости не отличался крѣпостію своего здоровья. Родившись слабымъ, онъ росъ медленно и развивался физически туго. „Я поздно началъ расти“, пишетъ о себѣ В. Ѡ. Пѣвницкій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „и даже въ семипаріц, въ словесности и философскомъ классѣ былъ по росту однимъ изъ самыхъ малыхъ учениковъ. Мой бывшій наставникъ въ

философскомъ классѣ М. В. Тихонравовъ, рекомендуя меня, какъ своего ученика въ письмѣ къ Н. И. Субботину, по праву могъ назвать меня *малюткою-бурсачкомъ*. Я началъ быстро подниматься ростомъ уже на восемнадцатомъ году жизни. Мой старшій братъ, видя мой замедленный ростъ, шути замѣчалъ мнѣ, что я навсегда останусь карликомъ. Отправляясь въ 1849 году въ Кіевскую Академію, онъ оставилъ меня восемнадцатилѣтнимъ юношею, но мало поднявшимся по росту. Но когда черезъ два года я явился къ нему въ Кіевъ, онъ едва узналъ меня: въ два года я быстро достигъ мѣры полного возраста, сравнившись съ людьми немного выше средняго роста“.

Въ бытность свою студентомъ, на младшемъ курсѣ, В. О. Пѣвницкій перенесъ двѣ тяжелыхъ болѣзни. Въ первый разъ, осенью 1852 года, онъ крѣпко переболѣлъ тифомъ, отъ котораго едва не скончался. По приказанію ректора, архим. Антонія Амфитеатрова, тяжело больного студента причастили Св. Тайнъ. Самъ В. О. Пѣвницкій именно дѣйствию благодати св. таинства приписывалъ свое спасеніе отъ тяжелой болѣзни. „Послѣ причащенія“, пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, „болѣзненный кризисъ совершился въ благопріятную сторону, — тотчасъ же я почувствовалъ облегченіе, и силы мои, совершенно было ослабѣвшія и потухшія, начали оживать и прибывать. Я до сихъ поръ свое исцѣлѣніе отъ тяжелой болѣзни и укрѣпленіе силъ приписываю дѣйствию благодати Божіей, сообщенной мнѣ во святомъ таинствѣ“.

Во все послѣдующее время своей продолжительной жизни В. О. Пѣвницкій чувствовалъ себя крѣпкимъ со стороны здоровья и почти никогда серьезно не болѣлъ и не любилъ лѣчиться. До самаго послѣдняго времени онъ чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ. Только въ началѣ 1900-хъ годовъ семейныя скорби (болѣзнь и затѣмъ смерть супруговъ, кончина сына и зятя—мужа дочери), видимо, ока-

зали свое дѣйствіе на крѣдкій и стойкій организмъ почившаго. В. Θ. Пѣвницкій, правда, переносилъ испосланныя ему отъ Бога испытанія съ истинно христіанскимъ терпѣніемъ. Свое состояніе внутреннее, какое онъ переживалъ тогда, почившій краснорѣчиво выразилъ въ своемъ чтеніи, памятномъ для кіевлянъ, на тему: „Христіанскій взглядъ на скорби и страданія, насъ постигающія“. Свою рѣчь на эту тему В. Θ. Пѣвницкій приносилъ въ собраніи Кіевскаго Религіозно-просвѣдительнаго Общества съ особеннымъ воодушевленіемъ, даже съ пафосомъ. Нѣкоторыя мѣста его рѣчи, особенно начало и конецъ, имѣли, казалось, прямо автобіографическій смыслъ.

Но какъ ни крѣпился вѣрующій старецъ, а лѣта и время дѣлали свое дѣло. В. Θ. Пѣвницкій съ началомъ XX вѣка какъ-то осунулся и сталъ постепенно слабѣть и дряхлѣть. Послѣ увольненія въ отставку начали посѣщать почившаго и болѣзани. Онъ нѣсколько разъ перенесъ инфлюэнцу и др. просудныя болѣзани. Онѣ оставили по себѣ слѣды въ ослабленіи ногъ. Въ послѣдній годъ своей жизни почившій серьезно и долго болѣлъ въ теченіи Великаго поста. Онъ, по обыкновенію своему, послѣдшилъ къ небесному Врачу и пригласилъ къ себѣ духовника. Послѣ причащенія св. тайнъ онъ сразу почувствовалъ облегченіе и къ Пасхѣ чувствовалъ себя сравнительно бодро и хорошо. Но вскорѣ послѣ Пасхи начали обнаруживаться признаки серьезной и, какъ оказалось, смертельной болѣзни—рака въ желудкѣ. Больной долго крѣпился и не подавалъ вида. Еще 14 іюня 1911 году онъ присутствовалъ въ послѣднемъ предъ окончаніемъ учебнаго года собраніи академическаго совѣта. До 20 іюня онъ продолжалъ вести свой обычный, десятилѣтними установившійся, образъ жизни, а также продолжать свои „Воспоминанія“ и записи въ „Дневникѣ“. Но затѣмъ, уступая дѣйствию тяжелой болѣзни, онъ долженъ

быть сплечь въ постель, съ которой уже былъ снятъ для положенія во гробъ.

Страшная болѣзнь быстро разрушала сильный организмъ. Въ началѣ іюля стали обнаруживаться несомнѣнные признаки скорого наступленія кончины. Тѣмъ, не менѣе врачъ выражалъ надежду на то, что крѣпкій организмъ больного старца можетъ бороться съ тяжкимъ недугомъ въ течение мѣсяца. Больной необыкновенно терпѣливо переносилъ страданія. Пишущій эти строки съ начала іюля почти ежедневно, а иногда и по два раза на день, навѣщалъ больного профессора, любимого и уважаемого учителя. Послѣдній исполнѣ сознавалъ опасность своего положенія и скорое наступленіе своего земного конца. Какъ и всегда, онъ и теперь пожелалъ обратиться къ духовной лечебницѣ, въ которую такъ вѣрить и предъ которою такъ благоговѣлъ. Причащеніе Св. Таинъ, дѣйствительно, успокоило болящаго старца. Но болѣзнь продолжала прогрессировать. Особенно тяжело было больному 11 іюля. Весь тотъ день у него была непрерывная сильная икота, сопровождавшаяся приступами частой рвоты кровавой. Больной сильно страдалъ, но сохранялъ все время спокойствіе духа. Деликатный по природѣ, онъ только стѣнялся и не желалъ, чтобы посторонніе изъ его близкихъ знакомыхъ видѣли его въ томъ состояніи болѣзни, въ какомъ онъ находился тогда. На другой день наступило облегченіе, бывшее отчасти результатомъ принятыхъ наканунѣ рѣшительныхъ медицинскихъ средствъ. Раню утромъ, 12 іюля, мы, по обыкновенію пришли навѣстить больного. На наше привѣтствіе больной отвѣчалъ своимъ обыкновеннымъ въ послѣдніе дни своей жизни заявленіемъ: „я умираю“. Когда мы пытались было нѣсколько успокоить старца, выразивъ надежду на то, что можетъ еще наступить облегченіе, какъ бывало и прежде, что, быть можетъ, явится возможность подкрѣпить себя пищею (больной въ послѣднее время не могъ ничего кушать) и тогда больной опять

поправится, В. О. Пѣвницкій посмотрѣлъ на насъ своимъ незабвеннымъ долгимъ, пронизательнымъ, вдумчивымъ взглядомъ и сказалъ: „я уже готовъ къ смерти. Я умираю. Помолитесь обо мнѣ“...

Вскорѣ послѣ того больной, повидимому, успокоился, долго распрашивалъ и съ интересомъ слушалъ нашъ рассказъ о томъ, какъ совершилось наканунѣ торжество въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, кто былъ на праздникѣ, о чемъ говорили и т. д. Въ это же утро пріѣхала старшая дочь почившаго, жившая, послѣ перенесенной ею весной болѣзни, въ Крыму и вызванная телеграммою отсюда. Свиданіе съ дочерью обрадовало больного и побудило его даже обратиться къ разнымъ житейскимъ заботамъ. Онъ, напр., пожелалъ, чтобы пріѣхавшая дочь его сейчасъ же была записана въ подворную книгу, чтобы сейчасъ же были приготовлены для этого двѣ карточки и показаны ему. Когда это было сдѣлано и когда больному было сказано, что уже все сдѣлано, согласно его желанію, то онъ, находившійся въ это время уже въ полузабытьѣ, сказалъ: „хорошо, выпишите ее, а меня выпишите“... Очевидно, въ сознаніи больного тогда уже совершенно утвердилась мысль о скорой смерти его. И смерть наступила, дѣйствительно, такъ скоро, какъ невозможно было ожидать. Въ теченіе всего дня, 12 іюля, больной то терялъ сознаніе, то снова приходилъ въ себя и бесѣдовалъ съ окружающими родными. Съ 5 ч. в. начали обнаруживаться роковыя признаки конца. Былъ приглашенъ духовникъ почившаго, который и совершилъ надъ умирающимъ, таинство св. елеосвященія. Въ 10 ч. 22 м. в. В. О. Пѣвницкій тихо, безболѣзненно, незамѣтно, окруженный своими дѣтьми и немногими близкими къ почившему лицами, предалъ свой духъ въ руки Божіи.

Тотчасъ же послѣ кончины, тѣло почившаго было обмыто, одѣто и положено на столъ. Тогда же была совершена первая панихида надъ почившимъ.

Утромъ на другой день тѣло В. Ѳ. Пѣвницкаго было положено во гробъ и совершена была, въ присутствіи семьи, вторая панихида. Тѣло почившаго оставалось въ его домѣ до вечера 15 іюля, причемъ ежедневно два раза—въ 1 ч. и въ 7 ч. в. совершались надъ нимъ торжественныя панихиды. Кроме того, многіе изъ бывшихъ учениковъ почившаго—Кіевскихъ священниковъ, движимые чувствомъ уваженія и признательности къ своему любимому учителю, совершали панихиды у гроба почившаго и въ другіе часы. Не смотря на то, что въ такіе дни, какъ 14 и 15 іюля духовенство г. Кіева было занято церковною службою, на панихиды въ домѣ В. Ѳ. Пѣвницкаго постоянно собиралось столько священнослужителей и почитателей его, что небольшія комнаты домика его не могли вмѣстить всѣхъ, желавшихъ поклониться гробу дорогого покойника и помолиться о немъ.

Въ 5 ч. в. 15 іюля было совершено торжественное перенесеніе тѣла почившаго изъ его дома въ великую церковь Кіево-братскаго монастыря. Въ этомъ перенесеніи участвовали около 40 священнослужителей изъ числа бывшихъ учениковъ В. Ѳ. Пѣвницкаго, во главѣ съ преосв. Димитріемъ, епископомъ Уманскимъ, четвертымъ викаріемъ Кіевской епархіи. По прибытіи къ Кіево-братскому монастырю, гробъ съ тѣломъ почившаго профессора былъ внесенъ въ новый академическій корпусъ, гдѣ въ читальномъ залѣ онъ былъ поставленъ на столъ и, по совершеніи краткой литіи, и. д. ректора Академіи, заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. З. Завитневичемъ сказана была краткая рѣчь, посвященная памяти почившаго. По внесеніи гроба съ тѣломъ В. Ѳ. Пѣвницкаго въ великую церковь Кіево-Братскаго монастыря, было совершено всенощное бдѣніе (парастаза) академическимъ духовенствомъ. На слѣдующій день, 16 іюля, въ той же церкви Кіево-Братскаго монастыря заупокойная литургія была совершена преосв. Павломъ, епископомъ Чигиринскимъ, первымъ викаріемъ Кі-

евской епархіи. въ сослуженіи академическаго и монастырскаго духовенства. Въместо запричастнаго стиха ординарнымъ профессоромъ Академіи, протоіереемъ О. И. Тигровымъ было сказано слово. По окончаніи литургіи, было совершено отпѣваніе тѣла почившаго профессора высокопреосвященнымъ Флавіаномъ, митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ, въ сослуженіи преосв. Павла, епископа Чигиринскаго, перваго викарія Кіевской епархіи, преосв. Киріона, бывшаго епископа Орловскаго, преосв. Дмитрія, епископа Уманскаго, четвертаго викарія Кіевской епархіи, и болѣе 50 архимандритовъ, протоіереевъ и священниковъ академическаго образованія изъ числа бывшихъ учениковъ В. О. Пѣвняцкаго. Во время отпѣванія были пропѣсены рѣчи, посвященныя памяти почившаго профессора, экстра-ординарнымъ профессоромъ Академіи, священникомъ Н. С. Гроссу, ординарнымъ профессоромъ В. Н. Малинскимъ, доцентомъ М. Э. Писновымъ и студентомъ 3 курса Академіи В. Вельминимъ.

По окончаніи отпѣванія, гробъ съ тѣломъ В. О. Пѣвняцкаго былъ перевесенъ на клябище Кіево-Флоровскаго вознесенскаго монастыря, гдѣ и преданъ землѣ. Предъ тѣмъ, какъ гробъ опускаетъ въ могилу, сказалъ краткую рѣчь протоіерей А. Т. Четверкинъ, бывший ректоръ Черниговской духовной семинаріи, а по опущенія его въ могилу, прежде чѣмъ были брошены первыя комья земли на гробъ, сказалъ нѣсколько задушевныхъ словъ заслуженный ординарный профессоръ Академіи В. З. Завитновичъ.

Такъ совершилось погребеніе почившаго нашего учителя, дорогаго и незабвеннаго профессора Василя Федоровича Пѣвняцкаго.

Миръ безсмертному твоему духу, приснопамятный наставникъ!

Смерть В. О. Пѣвняцкаго, являющаяся великою утратою для Кіевской духовной Академіи, вызвала выраженіе

сочувствія и соболѣзнованія со стороны многихъ учениковъ и почитателей почившаго, адресованныя частію на имя Академіи, частію же на имя членовъ осиротѣвшей семьи. Приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ по поводу смерти В. О. Пѣвницкаго.

1) *Телеграмма изъ Одессы отъ архієпископа Димитрія.*

Глубоко соболѣзную Вамъ въ Вашемъ неутѣшномъ семейномъ горѣ. Горячо молю Бога о блаженномъ упокоеніи Вашего дорогого отца, моего незабвеннаго учителя, славнаго дѣятеля церкви и науки богословской. Да почиетъ въ мирѣ о Господѣ!

2) *Телеграмма изъ С.-Петербурга отъ епископа Иннокентія.*

Чрезвычайно скорблю о кончинѣ всѣми любимаго великаго старца. Глубоко сожалею, что лишенъ возможности лично отдать ему послѣдній долгъ. Буду постоянно помнить его, какъ своего благодѣтели.

3) *Телеграмма изъ С. Петербурга отъ оберъ-прокурора св. Синода В. К. Саблера.*

Искренно огорченъ извѣстіемъ о кончинѣ незабвеннаго Василя Федоровича. Угасъ свѣточъ знаній, долго озарявшій студентовъ славной Кіевской Академіи. Вѣчная память ему!

4) *Письмо изъ Горокв отъ сенатора П. И. Остроумова (на имя Ю. В. Пѣвницкой).*

Сегодня, съ невыразимою скорбію, я узналъ изъ телеграммы „Новаго Времени“ о кончинѣ Вашего дорогого, всѣми глубоко уважаемаго и любимаго, родителя—Василя Федоровича... Я всегда считалъ безцѣннаго Василя Федоровича моимъ лучшимъ руководителемъ въ самую трудную пору моей жизни, оставившимъ во мнѣ слѣды прекраснаго вліянія на всю мою жизнь. Можете, поэтому, судить, какъ тяжела для меня утрата Вашего родителя и какъ я соболѣзную Вамъ въ этой утратѣ.

4) *Телеграмма изъ Балаклавы отъ протоієрея Д. И. Богдашевскаго.*

Глубоко скорблю о смерти незабвеннаго Василия Теодоровича. Молюсь объ упокоеніи его души.

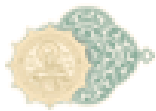
6) *Письмо изъ Одессы отъ почетнаго члена Академіи Л. С. Мацевича.*

Родной матери нашей—Кіевской духовной Академіи—свѣтшу заявить свое сердечное соболѣзнованіе и глубокое сочувствіе по поводу кончины достойнѣйшаго ея сына, а нашего незабвеннаго наставника Василия Теодоровича Пѣвницкаго. Да подасть ему Отець нашъ небесный блаженство вѣчное въ обителяхъ Своихъ! А въ исторіи Академіи Кіевской да будетъ всегда дорогимъ имя его, и всегда свѣтлою память о немъ!

7) *Письмо отъ смотрителя Мешовскаго дух. училища В. Т. Тихомірова.*

Съ чувствомъ глубокой скорби прочиталъ первое извѣстіе о кончинѣ Кіевскаго Златоуста, незабвеннаго въ лѣтописи Академіи, незамѣнимаго профессора, достоуважаемаго Василия Теодоровича Пѣвницкаго. Скорбь эта не умѣрплась и послѣ чтенія некролога его въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ. Читая сей, я уже плакалъ буквально. Господи, всели душу его вмѣстѣ съ тѣмъ, кои вчинены уже въ ликъ другобъ: Теодосія Черниговскаго, Іоасафа Горенко, Иннокентія Иркутскаго, Димитрія Ростовскаго и другихъ, шедшихъ по нимъ: Димитрія Херсонскаго, Макарія Булгакова, Сильвестра Малованскаго и др. Но истиннѣй его душа—духовная цѣвница—поетъ св. Церковь въ тропарѣ св. Димитрію Ростовскому. Какъ трудно примириться съ потерей его для исторіи Академіи. Вѣдь онъ началъ печатать свои мемуары и вдругъ пресѣклась нить воспоминаній. Однако стало быть такъ нужно, по соображенію Высшаго Разума.

8) *Телеграмма изъ Кишинева отъ братьевъ А. М. и І. М. Пархомовичей.*

Просимъ принять искреннѣйшее наше соболезнованіе, по случаю смерти незабвеннаго Василія Θεодоровича. Молимся объ его глубоко вѣрующей и чистой душѣ.

9) *Телеграмма изъ Астрахани отъ протоіерея Н. Г. и Н. Н. Пальмовыхъ.*

Скорбимъ о кончинѣ незабвеннаго учителя. Чистую душу его да упокоитъ Господь въ селеніяхъ праведныхъ!

10) *Телеграмма изъ Наулейма отъ профессора И. А. Линниченко.*

Глубоко огорченъ кончиною незабвеннаго Василія Θεодоровича.

11) *Телеграмма изъ Мошлева публичнаго отъ семейства протоіерея Милыя (на имя Ю. В. Пивничкой).*

Всею душою раздѣляемъ Вашу скорбь, по случаю незамѣнимой утраты незабвеннаго Василія Θεодоровича. Да упокоитъ Господь трогательно сердечнаго патріарха духовной науки въ селеніяхъ праведныхъ! Сегодня (17 іюля) молитва о немъ въ кафедральномъ соборѣ.

12) *Телеграмма изъ Гурзуфа отъ В. М. Скворцова.*

Глубоко скорбя о кончинѣ незабвеннаго родителя вашего, моего любимаго учителя, усердно молюсь объ упокоеніи его чистой души въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго.

13) *Телеграмма изъ Коростышева отъ профессора В. И. Экземлярскаго и М. И. Бучинской.*

Просимъ принять наше искреннее соболезнованіе въ постигшемъ Васъ тяжкомъ горѣ.

14) *Телеграмма изъ Екатеринослава отъ доцент В. І. Фаминскаго.*

Глубоко скорблю вмѣстѣ съ Вами о смерти дорогаго незабвеннаго Василія Θεодоровича.

15) *Телеграмма изъ Заболотья отъ протоіерея И. А. Ярмоловича (на имя С. В. Пивничкаго).*

Глубоко опечаленъ кончиною моего любимѣйшаго профессора, незабвеннаго Василія Θεодоровича, мужа великаго разума, рѣдкаго сердца, богатыря духа, красы Кіевской

Академіи. Молитвою скорбящаго духа участвую въ Вашемъ горѣ.

16) *Телеграмма изъ Одессы отъ священника Н. Н. Фетисова.*

Молитвенно склоняюсь предъ гробомъ почившаго Вазилія Теодоровича.

17) *Телеграмма изъ Винницы отъ директора гимназіи П. А. Адрианова (на имя С. В. Півницькаго).*

Примите и передайте семьѣ почившаго мое искреннее соболезнованіе.

18) *Письмо изъ Каменца Подольскаго отъ К. С. Добролюбовскаго (на имя его же).*

Глубоко потрясло меня извѣстіе о смерти Василія Теодоровича, патріарха русской богословской науки, славы и гордости моей дорогой almae matris—Кіевской духовной Академіи. Закатилось яркое свѣтило русской церкви, науки и общества!... Потускнѣлъ небосклонъ Кіевской богословствующей мысли. Оспротѣла Россія, вдохновлявшаяся пламеннымъ словомъ знаменитаго витія, воистину Кіевского Злагоуста! Одинъ великій англійскій политикъ и писатель (Дизраэли) высказалъ слѣдующія знаменательныя мысли: „Память о великихъ людяхъ страны должна быть національною святыней. Чтить эту память—долгъ каждаго гражданина, который дорожитъ своимъ національнымъ самосознаніемъ, своею народною гордостью“. Въ Бозѣ почившій Вазилій Теодоровичъ—одинъ изъ великихъ сыновъ дорогой родины. Почтить священную память о немъ, по моему, лучше всего такъ: собрать всѣ творенія его великаго творческаго ума, на синодскій или академическій счетъ издать ихъ въ образцовомъ видѣ и разослать во всѣ правительственныя, общественныя и даже частныя бібліотеки и читальни—„да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу“. Милосердый Господь да упокоитъ въ свѣтлыхъ обителяхъ небесныхъ чистую душу великаго русскаго старца“.

19) *Телеграмма из Бара от И. П. Андріевского.*

Неутѣшно скорблю, оплакивая кончину высокочтимого Василія Теодоровича. Прости, дорогой учитель и благороднѣйшій изъ людей.

20) *Телеграмма изъ Звенигородки отъ Е. Х. и Е. Х. Орды.*
Всею душою сочувствуемъ Вашему тяжелому горю.

21) *Телеграмма изъ м. Сорочинцевъ отъ директора учительской семинарии А. К. Волнина.*

Горько скорблю о кончинѣ великаго старца—учителя, незабвеннаго Василія Теодоровича. Примите выраженіе искренняго соболѣзнованія.

22) *Телеграмма изъ Кореиза отъ В. П. Соколова.*

Искренно сочувствую. Вѣчная память почившему.

23) *Телеграмма изъ Келломякь отъ В. С. и П. А. Зброжекъ.*
Раздѣляемъ съ Вами Ваше тяжелое горе.

24) *Телеграмма изъ Харькова отъ Н. Х. Орды.*

Только что узнать о кончинѣ высокочтимого Василія Теодоровича. Примите мое искреннее соболѣзнованіе въ постигшей Васъ утратѣ.

25) *Телеграмма изъ Москвы отъ А. Д. Пивницкаго.*

Примите мои душевныя соболѣзнованія.

26) *Телеграмма изъ Черикова отъ Оболенскихъ, Дитерихсъ и Щеловитова.*

Узнавъ о тяжкой утратѣ, шлемъ свое горячее соболѣзнованіе. Всѣмъ сердцемъ съ Вами.

27) *Письмо изъ Каменца Подольскаго отъ С. П. Киржацкаго.*

Только что прочиталъ о смерти высокочтимого Василія Теодоровича... Шлю искреннее сочувствіе Вамъ и всему Вашему семейству по поводу постигшаго Васъ горя. Самъ оплакиваю человека, который сдѣлалъ мнѣ много добра. Да пошлетъ ему Господь Богъ царство небесное и вѣчную память на землѣ, чего онъ вполне заслужилъ своею чистою и прекрасною жпзнію.

28) *Письмо изъ Каменецъ Подольскаго отъ кафедральнаго протоіеря И. Лебедева (на имя С. В. Цѣвницкаго).*

Считаю своимъ священнымъ долгомъ выразить Вамъ мое соболѣзнованіе по случаю кончины Вашего родителя, а моего незабвеннаго наставника, земляка и благодѣтеля Василія Θεодоровича. Я узналъ о кончинѣ его 13 іюля и въ тотъ же день въ Каменецкомъ кафедральномъ соборѣ вмѣстѣ съ другими воспитанниками по Академіи Василія Θεодоровича отслужилъ панихиду о упокоеніи души его. Молитва моя о дорогомъ для меня и многихъ другихъ наставникѣ будетъ возноситься, пока я живъ. Да облегчить Господь скорбь Вашу и Вашихъ присныхъ, относившихся ко мнѣ, въ бытность мою въ Академіи, всегда съ добрымъ участіемъ! Да упокоить Господь душу почившаго, дорогаго моего наставника со всѣми святыми!

Кромѣ того, письменно или посредствомъ телеграфа выразили соболѣзнованіе семьѣ почившаго В. Ѳ. Цѣвницкаго—профессоръ О. С. Орнатскій, І. А. Бродовичъ, А. В. Назаренко, прот. А. В. Николаевскій, прот. Кардасевичъ, Л. А. и К. А. Дородницыны, А. П. Шлейферъ, М. И. Брейтгауцъ, Г. И. Мусатова, протоіерей Д. Корсуновскій, А. И. Скворцова, В. С. Вязмитинова, И. М. Пушкаревъ, А. И. Пятакова, В. В. Кохомская и др.

Пр. Ѳ. Титовъ.